

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

РЕШЕНИЕ

23 декабря 2024 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе:
председательствующего судьи-докладчика Туняна А.Г.,
судей Забары А.А., Кайыпова М.Т., Кишкембаева А.Б., Павловой Н.В.,
при секретаре судебного заседания Симоняне Г.В.,
с участием:

представителей общества с ограниченной ответственностью
«ПОРШЕ РУССЛАНД» Елисановой И.И., Политко Д.С., Чеченовой Н.С.,
представителей Евразийской экономической комиссии
Жихаревой А.А., Кравцовой Н.В., Юрлова И.А.,

рассмотрев в открытом судебном заседании заявление общества
с ограниченной ответственностью «ПОРШЕ РУССЛАНД» о признании
бездействия Евразийской экономической комиссии не соответствующим
международным договорам в рамках Евразийского экономического союза
и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере
предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

Общество с ограниченной ответственностью «ПОРШЕ РУССЛАНД»
(далее – ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД», истец) является юридическим
лицом, зарегистрированным в соответствии с законодательством
Российской Федерации, и официальным импортером автомобилей,
запасных частей, аксессуаров марки «Порше» на территории Российской
Федерации.

Истец 29 февраля 2024 года обратился в Евразийскую экономическую
комиссию (далее – Комиссия, ответчик) с требованием о признании
не соответствующими Договору о Евразийском экономическом союзе
от 29 мая 2014 года (далее – Договор) и международным договорам в
рамках Евразийского экономического союза (далее – Союз) и
нарушающими права и законные интересы ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД»:

1) пунктов 5¹ и 5², подпункта «в» пункта 8, подпункта «в» пункта 9 решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» (далее – Решение № 283);

2) бездействия Комиссии, выразившегося в непринятии мер во исполнение пункта 17 статьи 38 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года; далее – ТК ЕАЭС) по принятию актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, исходя из соответствующих положений Соглашения по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле от 15 апреля 1994 года (далее – Соглашение ГАТТ), включая пояснительные примечания к нему, а также документов по таможенной стоимости товаров, принятых Комитетом по таможенной оценке Всемирной торговой организации (далее – ВТО) и Техническим комитетом по таможенной оценке Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО).

В обращении в Комиссию истец указал на неисполнение Комиссией полномочий касательно определения таможенной стоимости ввозимых товаров, что не отвечает принципам единообразного таможенного регулирования. При этом сформированный государственными органами стран-участниц правоприменительный подход, предусматривающий возможность включения дивидендов в таможенную стоимость товаров, обусловлен правовой неопределенностью нормативного регулирования данного вопроса, требующей разрешения.

Поводом для обращения в Комиссию явилось увеличение с 2023 года объема контрольных мероприятий со стороны таможенных органов Российской Федерации, касающихся вопросов правильности определения таможенной стоимости товаров, ввозимых импортерами от иностранных продавцов, одновременно являющихся учредителями (участниками) таких импортеров либо входящих в одну с ними группу компаний. Причиной таких проверок, по мнению истца, явились сформулированные в судебной практике правовые позиции о том, что в таможенную стоимость ввозимых товаров могут включаться платежи, поименованные в качестве дивидендов, но являющиеся таковыми лишь по форме.

22 июля 2024 года Комиссия направила истцу ответ, из которого следует, что истцом неверно интерпретируется содержание пункта 9 статьи 39 ТК ЕАЭС. Формулировка пункта 9 статьи 39 ТК ЕАЭС, устанавливающего, что перечисляемые покупателем продавцу дивиденды

или иные платежи в случае, если они не связаны с ввозимыми товарами, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров, является дословным переводом положения пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ (приложение I к Соглашению ГАТТ) и не имеет каких-либо различий с международными нормами, применяемыми государствами – членами ВТО.

Комиссия также отметила, что обеспечивает реализацию функций и полномочий, предусмотренных пунктом 17 статьи 38 ТК ЕАЭС, принимая решения и рекомендации по вопросам определения таможенной стоимости ввозимых товаров. При этом на постоянной основе осуществляет мониторинг правоприменительной практики, касающейся применения методов определения таможенной стоимости, в том числе в части дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары (статья 40 ТК ЕАЭС).

Вместе с тем истец считает, что Комиссия не осуществила оценку сложившейся практики определения таможенной стоимости товаров, не провела необходимый мониторинг применения норм ТК ЕАЭС и уклонилась от реализации полномочий по соблюдению принципа единого таможенного регулирования в рамках Союза, ограничившись констатацией невозможности включения дивидендов в таможенную стоимость товаров, что, по мнению истца, является неправомерным бездействием.

Истец просит признать бездействие Комиссии не соответствующим международным договорам в рамках Союза, а именно пункту 9 статьи 39 и подпункту 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

2. Процедура в Суде

Постановлением Коллегии Суда от 21 октября 2024 года заявление истца принято к производству.

В рамках подготовки дела к рассмотрению по запросу Суда были получены ответы от Государственного таможенного комитета Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной таможенной службы при Министерстве финансов Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы Российской Федерации, Кассационного Суда Республики Армения, Верховного Суда Республики Беларусь, Верховного Суда Кыргызской Республики, Верховного Суда Российской Федерации, Судебной администрации Республики Казахстан, Судебного департамента Высшего Судебного Совета Республики Армения, Армянского государственного экономического университета, Государственного

института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Российской таможенной академии.

Ответчик представил возражения на заявление истца.

Истец представил отзыв на возражения ответчика.

В судебном заседании Суд отказал в удовлетворении ходатайства Комиссии об ограничении представителей истца в доступе к конфиденциальным материалам, в частности к проекту акта Комиссии, подготовленного на основе Исследований случаев 2.1 и 2.2 Технического комитета по таможенной оценке ВТамО, а также документам 59-й сессии Технического комитета по таможенной оценке ВТамО, связанных с вопросом применения пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ.

В судебном заседании представитель истца поддержал заявленные требования.

Представитель ответчика просил Суд отказать в удовлетворении заявления истца.

3. Доводы истца

3.1. Оспаривая бездействие Комиссии, выраженное в непринятии мер по урегулированию правовой неопределенности, связанной с включением дивидендов в таможенную стоимость товаров, не соответствующим международным договорам в рамках Союза, а именно пункту 9 статьи 39 и подпункту 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД» приводит следующие основные доводы.

3.1.1. По мнению истца, критерии включения дивидендов в таможенную стоимость товаров как части дохода (выручки) являются очень размытыми, а сложившаяся правоприменительная практика нарушает права и законные интересы хозяйствующего субъекта Российской Федерации в связи с неопределенностью применения норм ТК ЕАЭС государственными органами государства – члена Союза. Это влечет смешение двух различных категорий: дивидендов и дохода (выручки) продавца от последующей перепродажи ввезенных товаров.

Сложившаяся правоприменительная практика не соответствует принципам ГАТТ, подходам ВТамО (пункт 4 Примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ), поскольку дивиденды не имеют связи с ввозимыми товарами и не могут включаться в их таможенную стоимость.

Изложенное свидетельствует о необходимости определения четких критериев, при которых дивиденды могут быть рассмотрены как доход продавца от последующей перепродажи ввезенных товаров. Соответственно, необходимо определить условия, при которых такие суммы подлежат включению в таможенную стоимость товаров.

Истец полагает, что поскольку вопросы таможенно-тарифного регулирования отнесены Договором к исключительной компетенции Союза, Комиссия, руководствуясь полномочиями, предусмотренными пунктом 17 статьи 38 ТК ЕАЭС, вправе принять решение в сфере определения таможенной стоимости товаров, в котором будут определены четкие критерии, при которых дивиденды могут быть рассмотрены как доход продавца от последующей перепродажи ввезенных товаров, а также условия, при которых такие суммы подлежат включению в таможенную стоимость товаров. Однако Комиссией указанные полномочия по соблюдению принципа единого таможенного регулирования в рамках Союза не были реализованы, что со стороны истца рассматривается как неправомерное бездействие Комиссии, нарушающее его права и законные интересы.

3.1.2. Истец считает, что неправомерное бездействие Комиссии также выразилось в предоставлении формального ответа на его обращение, в уклонении от реализации полномочий по мониторингу и контролю применения права Союза, а именно пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС.

3.1.3. Истец отмечает, что практика исполнения полномочий в сфере определения таможенной стоимости товаров Комиссией уже реализовывалась, например, в решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 1 марта 2021 года № 23 «Об утверждении Положения об определении таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза по договору аренды или финансовой аренды (лизинга)».

3.1.4. В отзыве на возражения ответчика истец выражает несогласие с доводом Комиссии об уведомлении о проработке вопроса возможности подготовки акта, основанного в том числе на исследовании случаев 2.1 и 2.2 Технического комитета по таможенной оценке ВТамО. По мнению истца, уведомление не свидетельствует о достаточности и полноте предоставленной информации, поскольку не было разъяснено, на каком этапе находится подготовка акта и какие конкретно этапы включает исследование случаев 2.1 и 2.2 Технического комитета по таможенной оценке ВТамО.

3.1.5. Истец считает не соответствующим обстоятельствам и материалам дела довод Комиссии о том, что истцом не предоставлены

убедительные доказательства наличия фактов неисполнения заявленных норм ТК ЕАЭС и различной правоприменительной практики. Также истец отмечает, что практика включения дивидендов в таможенную стоимость товаров, а также рассмотрение дивидендов как части дохода (выручки), полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу, в иных государствах – членах Союза, кроме Российской Федерации, отсутствует.

3.1.6. В ответ на довод Комиссии о несоблюдении досудебного порядка урегулирования спора истец указывает, что обращался в Комиссию 29 февраля 2024 года и 17 июля 2024 года по аналогичным обстоятельствам и основаниям, которые изложены в заявлении в Суд, что свидетельствует о соблюдении истцом досудебного порядка обращения. Обращение от 12 августа 2024 года, которое по предложению Комиссии было подано дополнительно через информационный портал, не носило самостоятельного характера и содержало ранее заявленные доводы ООО «ПОРШЕ РУССЛАНД».

3.1.7. По мнению истца, иные доводы в возражениях Комиссии носят общий характер и не могут быть признаны обоснованными, поскольку не соответствуют требованиям, предъявляемым к доказательствам, и не подкреплены ссылками на соответствующие нормативные правовые акты.

4. Возражения ответчика

4.1. Ответчик просит Суд отказать в удовлетворении заявленных истцом требований ввиду их необоснованности, исходя из следующего.

4.1.1. Ответчик не согласен с доводами истца о том, что Комиссия «предоставила формальный ответ на досудебное обращение общества», «уклонилась от реализации полномочий по мониторингу и контролю применения права Союза, а именно пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС» и «не реализовала полномочий по соблюдению принципа единого таможенного регулирования в рамках ЕАЭС», поскольку эти доводы не основаны на фактических обстоятельствах настоящего спора и не подкреплены соответствующими нормами права Союза.

Ответчик отмечает, что полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля исполнения государствами-членами положений права Союза предусмотрены в подпункте 4 пункта 43 Положения о Евразийской экономической Комиссии (приложение № 1 к Договору; далее – Положение о Комиссии), а деятельность Комиссии по осуществлению мониторинга не связана с обращениями хозяйствующих субъектов и осуществляется ею на постоянной основе.

В рамках встречи с представителями истца им доведена информация о том, что Комиссия на постоянной основе осуществляет мониторинг правоприменительной практики, касающейся применения методов определения таможенной стоимости товаров, в том числе в части дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары (статья 40 ТК ЕАЭС). В частности, осуществляется анализ правоприменительной практики, складывающейся в государствах-членах, анализируются материалы, связанные с определением таможенной стоимости товаров, публикуемые компаниями, оказывающими аудиторские и консалтинговые услуги. Данная работа осуществляется в целях выявления актуальных вопросов, возникающих в правоприменительной практике, для их дальнейшего обсуждения с уполномоченными органами сторон и рассмотрения на предмет целесообразности разработки соответствующих актов Комиссии.

4.1.2. Ответчик также считает, что истец не предоставил каких-либо убедительных доказательств того, что указанные им в заявлении нормы ТК ЕАЭС (в частности, пункт 9 статьи 39 ТК ЕАЭС) не исполняются государствами – членами Союза, а в государствах-членах складывается различная правоприменительная практика по рассматриваемому вопросу.

4.1.3. По мнению ответчика, доводы истца о том, что оспариваемое им бездействие Комиссии «нарушает права и законные интересы общества, предоставленные ему подпунктом 4 пункта 1 статьи 25, статьей 32 Договора, подпунктом 2 пункта 2, подпунктами 4 и 11 пункта 43 Положения о Комиссии», не подтверждаются какими-либо убедительными аргументами. Истец ограничивается лишь ссылками на указанные нормы права Союза, которые являются либо нормами-принципами (подпункт 4 пункта 1 статьи 25 Договора и статья 32 Договора), либо определяющими функции и полномочия Комиссии (подпункты 4 и 11 пункта 43 Положения о Комиссии). При этом диспозиции данных норм не предоставляют никаких прав хозяйствующим субъектам в сфере осуществления экономической деятельности. Следовательно, ссылки общества на то, что «бездействие» Комиссии нарушает права и законные интересы общества, предоставленные ему данными нормами, несостоятельны.

4.1.4. Комиссия констатирует, что ООО «ПОРШЕ-РУССЛАНД», будучи несогласным с действиями таможенных органов по включению дополнительного начисления, предусмотренного подпунктом 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС (часть дохода (выручки) от последующей продажи импортированных товаров), в таможенную стоимость ввезенных истцом товаров, не оспорило их в арбитражных судах Российской Федерации, ограничившись внесудебным обжалованием решений таможенного органа и последующим обращением в Комиссию. Вместе с тем Комиссия (равно

как и Суд) не наделены компетенцией по оценке решений (действий) таможенных органов государств – членов Союза. Таким образом, оспариваемое истцом «бездействие» Комиссии никак не связано с фактической ситуацией (спором), которая сложилась между ним и таможенными органами Российской Федерации, а поэтому оно априори не может нарушать его права и законные интересы в сфере осуществления предпринимательской деятельности.

4.1.5. Ответчик также отмечает, что в соответствии с пунктом 17 статьи 38 ТК ЕАЭС Комиссией принимаются акты, направленные на обеспечение единообразного применения положений настоящей главы при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, исходя из соответствующих положений Соглашения ГАТТ, включая пояснительные примечания к нему, а также документов по таможенной стоимости товаров, принятых Комитетом по таможенной оценке ВТО и Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО.

Какие-либо документы по применению пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1, содержащихся в приложении I к Соглашению ГАТТ, исходя из положений которых Комиссия может подготовить соответствующий акт, ни Комитетом по таможенной оценке ВТО, ни Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО не принимались.

4.1.6. В отношении позиции истца о том, что «...нормы ТК ЕАЭС, закрепляющие подходы к определению таможенной стоимости в части регулирования дивидендов имеют признаки правовой неопределенности их нормативного содержания...», Комиссия отмечает, что, во-первых, нормы, установленные пунктом 9 статьи 39 ТК ЕАЭС, полностью соответствуют положениям пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1, содержащихся в приложении I Соглашения ГАТТ, на который неоднократно ссылается заявитель в своем обращении. Во-вторых, ТК ЕАЭС является международным договором и оспаривание его положений хозяйствующими субъектами правом Союза не предусмотрено.

4.1.7. Дополнительно ответчик обращает внимание на то, что в обращении в Суд заявлено несколько иное требование, отличное от рассматривавшихся Комиссией в порядке досудебного урегулирования спора. Так, в первом обращении в Комиссию, поданном в рамках процедуры досудебного урегулирования спора (от 29 февраля 2024 года), заявитель ставил вопрос об оспаривании Решения № 283 и бездействия Комиссии, выразившегося в «непринятии мер по исполнению пункта 17 статьи 38 ТК ЕАЭС в части необходимости принятия актов, направленных на обеспечение единообразного применения главы 5 ТК ЕАЭС».

В повторном обращении в Комиссию от 12 августа 2024 года, которое досудебным уже не являлось, общество просило «осуществить мониторинг и

контроль ... в отношении практики применения таможенными органами Российской Федерации при включении дивидендов в таможенную стоимость на основании подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС и уведомить Российскую Федерацию», а также «реализовать полномочия на принятие акта, направленного на обеспечение единообразного применения главы 5 ТК ЕАЭС».

Комиссия полагает, что согласно положениям пункта 18² Порядка рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденного решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 19 марта 2013 года № 46, требования, отличные от ранее рассмотренных Комиссией, могут быть предъявлены в Суд только после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора в соответствии с данным Порядком.

4.1.8. Ответчик также информирует, что в Комиссии прорабатывается вопрос подготовки акта, основанного в том числе на Исследованиях случаев 2.1 и 2.2 Технического комитета по таможенной оценке ВТамО, а в повестку 59-й сессии Технического комитета по таможенной оценке ВТамО включен вопрос о применении пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ.

5. Выводы Коллегии Суда

5.1. В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору; далее – Статут Суда) Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза, по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии, непосредственно затрагивающего права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, если такое действие (бездействие) повлекло нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Исходя из положений пункта 1 статьи 45 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании действия (бездействия) Комиссии Суд в судебном заседании осуществляет проверку:

полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;

факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;

оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

Коллегия Суда придерживается выработанного Судом подхода о том, что при разрешении дел по заявлениям хозяйствующих субъектов об оспаривании действий (бездействия) Комиссии подлежит выяснению факт наличия у Комиссии полномочия на совершение определенного действия (абзац первый пункта 6.2 решения Апелляционной палаты Суда от 7 октября 2020 года по делу С-2/19 ЗАО «Транс Логистик Консалт»; абзац первый пункта 5.1 решения Коллегии Суда от 15 июня 2023 года по делу С-4/23 РУП «Белмедпрепараты»). При этом только бездействие Комиссии, не соответствующее праву Союза, может повлечь нарушение прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

5.2. Оценивая доводы истца о бездействии Комиссии, выразившемся в непринятии мер во исполнение пункта 17 статьи 38 ТК ЕАЭС по принятию актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, Коллегия Суда отмечает следующее.

5.2.1. В соответствии с подпунктом 4 пункта 1 статьи 25 и статьей 32 Договора в рамках таможенного союза осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенными отношения международными договорами и актами, составляющими право Союза, а также в соответствии с положениями Договора.

Системный анализ норм права Союза в сфере таможенного регулирования позволяет Коллегии Суда сделать вывод о том, что данная сфера отнесена к единой политике, которая в силу статьи 2 Договора предполагает применение государствами – членами Союза унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий.

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 8 Договора, а также пункту 3 Положения о Комиссии, Комиссия как постоянно действующий регулирующий орган Союза действует в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором и международными договорами в рамках Союза, в том числе в сферах таможенно-тарифного и таможенного регулирования.

Анализ права Союза свидетельствует, что на Комиссию возложена обязанность принятия единых мер по регулированию таможенных отношений в рамках Союза.

Применительно к компетенции Комиссии на принятие актов нормативно-правового характера, направленных на применение положений главы 5 «Таможенная стоимость товаров» ТК ЕАЭС, Коллегия Суда констатирует, что согласно пункту 17 статьи 38 ТК ЕАЭС Комиссией принимаются акты, направленные на обеспечение единообразного применения положений настоящей главы при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, исходя из соответствующих положений Соглашения ГАТТ, включая Пояснительные примечания к нему, а также документов по таможенной стоимости товаров, принятых Комитетом по таможенной оценке ВТО и Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО.

Таким образом, регулирование вопросов, связанных с определением таможенной стоимости товаров, входит в компетенцию Комиссии и может осуществляться, среди прочего, на основании решений Комиссии, подлежащих непосредственному применению на территории Союза.

Различное толкование разными правоприменителями в рамках государств – членов Союза также требует унификации подходов к определению таможенной стоимости ввозимых товаров, вследствие чего принятие решений в таких ситуациях входит в компетенцию Комиссии.

В рамках реализации полномочий в сфере определения таможенной стоимости ввозимых товаров, предоставленных Комиссии пунктом 17 статьи 38 ТК ЕАЭС, решениями Коллегии Евразийской экономической комиссии утверждены:

Правила применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1) (решение от 20 декабря 2012 года № 283);

Правила применения методов определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с идентичными товарами (метод 2) и по стоимости сделки с однородными товарами (метод 3) (решение от 30 октября 2012 года № 202);

Правила применения метода вычитания (метод 4) при определении таможенной стоимости товаров (решение от 13 ноября 2012 года № 214);

Правила применения метода сложения (метод 5) при определении таможенной стоимости товаров (решение от 12 декабря 2012 года № 273);

Правила применения резервного метода (метод 6) при определении таможенной стоимости товаров (решение от 6 августа 2019 года № 138);

Положение об особенностях применения методов определения таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию

Евразийского экономического союза, пришедших в негодность, испорченных или поврежденных вследствие аварии или действия непреодолимой силы (решение от 25 июня 2013 года № 145);

Положение об определении таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию Евразийского экономического союза по договору аренды или финансовой аренды (лизинга) (решение от 1 марта 2021 года № 23).

Кроме того, решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 24 февраля 2021 года № 19 установлены условия определения таможенной стоимости носителей информации, содержащих программное обеспечение, а решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 22 мая 2018 года № 83 – порядок расчетов дополнительных начислений при определении таможенной стоимости товаров.

Рекомендацией от 15 ноября 2016 года № 20 Коллегия Евразийской экономической комиссии государствам – членам Союза рекомендовала руководствоваться Положением о добавлении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары.

Вместе с тем Коллегия Суда отмечает, что по вопросу включения дивидендов в таможенную стоимость товаров (пункт 9 статьи 39 ТК ЕАЭС) Комиссия отдельных нормативных правовых актов или рекомендации не принимала.

5.2.2. Как следует из материалов дела, истец в заявлении в Суд требует признать бездействие Комиссии, выраженное в отсутствии каких-либо мер с ее стороны по урегулированию правовой неопределенности относительно условий возможного включения сумм, выплачиваемых как дивиденды, в таможенную стоимость товаров, не соответствующим международным договорам в рамках Союза, а именно пункту 9 статьи 39 и подпункту 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС.

При этом в заявлении от 29 февраля 2024 года истцом перед Комиссией были поставлены вопросы о признании отдельных положений Решения № 283 (пункты 5¹ и 5², подпункт «в» пункта 8, подпункт «в» пункта 9) не соответствующими Договору и международным договорам в рамках Союза, а также о признании бездействия Комиссии, выражающегося в непринятии мер по обеспечению единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, не соответствующим Договору и международным договорам в рамках Союза.

Комиссия в своем ответе истцу от 22 июля 2024 года указала, что положения Правил применения метода определения таможенной

стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утвержденных Решением № 283, не содержат правовых норм, предусматривающих необходимость включения дивидендов в таможенную стоимость ввозимых на территорию Союза товаров. Соответствующее правовое регулирование содержится в ТК ЕАЭС, в связи с чем необходимость воспроизведения аналогичной нормы в акте нижестоящего уровня с точки зрения юридической техники отсутствует.

Кроме того, Комиссия отметила, что Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО не принимались документы, направленные на разъяснение положений пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ. В части включения в таможенную стоимость товаров дополнительных начислений, предусмотренных пунктом 1 (d) статьи 8 Соглашения ГАТТ, Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО разработаны Исследования случаев 2.1 и 2.2, на основании которых рассматривается вопрос о возможности подготовки Комиссией соответствующего акта.

5.2.3. Коллегия Суда отмечает, что в силу устоявшейся судебной практики (решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу № С-1/18 *ООО «Ойл Марин Групп»*) в обращении хозяйствующего субъекта в Комиссию должно быть обосновано утверждение об отсутствии единообразия в практике государств – членов Союза по вопросам применения норм ТК ЕАЭС о невключении дивидендов в таможенную стоимость или о включении в нее части дохода (выручки), полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу.

Коллегия Суда констатирует, что при обращении в Комиссию истцом не приведены фактические данные об отсутствии единообразной практики применения права Союза в государствах-членах или о несоблюдении права Союза в этой части государством-членом, не указаны примеры различной практики применения ими норм ТК ЕАЭС о невключении в таможенную стоимость дивидендов или неправомерном включении дивидендов в таможенную стоимость товаров. Кроме того, к заявлению истца в Комиссию не приложены какие-либо документы, материалы, информация, подтверждающие указанные в заявлении доводы.

Приведенные истцом факты свидетельствуют, что суды Российской Федерации включают в состав таможенной стоимости лишь те платежи, которые формально именуется дивидендами, однако по сути своей представляют дополнительную выплату (платеж) продавцу от выручки за реализованный товар. При этом судами Российской Федерации дивиденды как таковые признаются не связанными с товарами и

не включаются в таможенную стоимость товаров, что не свидетельствует о противоречивости практики применения положений главы 5 ТК ЕАЭС в Российской Федерации (например, определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 декабря 2022 года № 305-ЭС22-11464 по делу № А40-20125/2021; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 мая 2022 года и определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2021 года № 308-ЭС21-15969 по делу № А53-11278/2020; постановление Арбитражного суда Московского округа от 4 декабря 2024 года № А40-16564/2024).

5.3. Относительно доводов истца по вопросу включения дивидендов в таможенную стоимость ввозимых товаров в рамках Союза Коллегия Суда отмечает следующее.

5.3.1. Статьями 39, 40 ТК ЕАЭС регламентированы правила и особенности применения одного из методов определения таможенной стоимости – по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), а также основания и порядок добавления дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары.

Пункт 9 статьи 39 ТК ЕАЭС устанавливает, что цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за ввозимые товары, относится к товарам, перемещаемым через таможенную границу Союза, в связи с чем перечисляемые покупателем продавцу дивиденды или иные платежи в случае, если они не связаны с ввозимыми товарами, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров.

Согласно подпункту 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС при определении таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, добавляется как дополнительное начисление часть дохода (выручки), полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров, которая прямо или косвенно причитается продавцу.

В своем обращении в Суд истец указал, что нормы ТК ЕАЭС, закрепляющие подходы к определению таможенной стоимости в части регулирования дивидендов, имеют признаки правовой неопределенности их нормативного содержания, что не обеспечивает в правоприменительной практике единообразного понимания и, следовательно, толкования и применения во взаимосвязи с правом Союза.

5.3.2. Поступившие ответы от высших судебных органов государств – членов Союза на запросы Суда свидетельствуют о том, что в Республике Армения, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике отсутствует судебная практика по делам, связанным с включением дивидендов в таможенную стоимость товаров.

В ответе Верховного Суда Российской Федерации констатируется, что сформированная судебная практика применения пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС исходит из того, что дивиденды, полученные участником (акционером) хозяйственного общества в результате распределения чистой прибыли, представляют собой доход от инвестиций, вложенный участником (акционером) в создание или приобретение предприятия, и как таковые не связаны с импортом товаров, следовательно, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров. Однако платежи, поименованные в качестве дивидендов и являющиеся таковыми лишь по форме, признаются связанными с ввезенными товарами и включаются в их таможенную стоимость, если по своей сути данные платежи обеспечивают получение продавцом части причитающегося ему дохода (выручки) от продажи ввезенных товаров и выполняют эту функцию в отношениях между сторонами внешнеторгового контракта. В случаях, когда учредители российского хозяйственного общества принимают решение о выплате дохода (чистой прибыли), полученного в связи с реализацией товара, ввезенного в рамках заключенных с ними внешнеэкономических договоров, указанный доход (чистая прибыль) может быть включен в таможенную стоимость ввезенных товаров при условии, что декларантом не представлены доказательства, подтверждающие соответствие стоимости сделки с ввозимыми товарами их действительной стоимости, в том числе не раскрыты документы и сведения о ценообразовании, которое применялось при экспорте товаров.

В ответе Верховного Суда Российской Федерации также отмечается, что осуществляемая судами конкретизация положений таможенного законодательства является необходимой для реализации положений пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС и не свидетельствует о правовой неопределенности.

5.3.3. Научные учреждения, направившие свои ответы на запросы Суда, в основном придерживаются позиции, согласно которой дивиденды по своей экономической природе представляют собой доход от инвестиций, вложенных участником в создание или приобретение предприятия, и как таковые не связаны с импортом товаров. Соответственно, по общему правилу, перечисляемые покупателем продавцу дивиденды не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров. Однако платежи, поименованные в качестве дивидендов и являющиеся таковыми лишь по форме, признаются связанными с ввезенными товарами и включаются в их таможенную стоимость на основании подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, если по своей сути они обеспечивают получение продавцом части причитающегося ему дохода от продажи ввезенных товаров и выполняют данную функцию в отношениях между сторонами

внешнеторгового контракта. Установление взаимосвязи между выплаченными дивидендами и определением таможенной стоимости товара исключает их квалификацию в качестве дивидендов как дохода от инвестиций, который не должен иметь прямой связи с реализацией конкретных товаров (письмо от 18 ноября 2024 года № 01/01-1494 Армянского государственного экономического университета, письмо от 22 ноября 2024 года № 718 Кыргызского национального университета имени Ж. Баласагына, письмо от 25 ноября 2024 года № 09-03/1395 Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан, письмо от 20 ноября 2024 года № 01-17/46 Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации).

Кроме того, в ответах Армянского государственного экономического университета, Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации отмечается, что способом обосновать отсутствие необходимости включения в таможенную стоимость дивидендов служит представление соответствующих подтверждающих документов, в том числе об отсутствии влияния взаимосвязи контрагентов на стоимость сделки или, если может быть доказано такое влияние на таможенную стоимость товара.

В заключении Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации также указывается, что положения пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС изложены абстрактно, что предоставляет судебным органам при рассмотрении конкретных дел возможность устанавливать в том числе наличие в действиях взаимосвязанных лиц, выступающих в роли импортера и экспортера, признаков обхода закона путем занижения таможенной стоимости товара. По вопросу наличия в положениях пункта 9 статьи 39 и подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС неопределенности, требующей от Комиссии предоставления разъяснений, следует учитывать, что подобные разъяснения, при их наличии, могут как привести определенность в экономический оборот, так и необоснованно ограничить сферу правоприменительной дискреции.

В ответе Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь (письмо от 19 ноября 2024 года № 09/1291) отмечается, что перечень дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, для целей применения метода 1 определения таможенной стоимости установлен пунктом 1 статьи 40 ТК ЕАЭС и, в силу положений пункта 4 данной статьи, является

исчерпывающим, в указанном перечне дивиденды отсутствуют, и поэтому таможенным законодательством Союза не предусматривается включение дивидендов в таможенную стоимость ввозимых на таможенную территорию Союза товаров.

Коллегия Суда отмечает, что по общему правилу, действительно, дивиденды как таковые не включаются в таможенную стоимость товаров. При рассмотрении вопроса о возможности при определенных условиях включения дивидендов в таможенную стоимость товара речь должна идти только о тех «дивидендах», которые лишь по форме являются таковыми, но на самом деле представляют собой часть выручки от реализованных товаров.

5.3.4. Коллегия Суда констатирует, что правовая определенность, являясь одним из общеправовых принципов права, предполагает ясность, точность, недвусмысленность, логичность, системность, последовательность, непротиворечивость изложения и закрепления правовых предписаний в нормативных правовых актах.

Правоприменителю и всем субъектам административно-процессуального отношения должно быть понятно, какими нормами предусмотрены их права и обязанности, а также содержание этих прав и обязанностей.

Согласно пункту 15 статьи 38 ТК ЕАЭС основой таможенной стоимости ввозимых товаров должна быть в максимально возможной степени стоимость сделки с этими товарами в значении, определенном статьей 39 ТК ЕАЭС (первый метод определения таможенной стоимости).

В соответствии с пунктом 1 статьи 39 ТК ЕАЭС таможенной стоимостью ввозимых товаров является стоимость сделки с ними, то есть цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за эти товары при их продаже для вывоза на таможенную территорию Союза и дополненная в соответствии со статьей 40 ТК ЕАЭС при выполнении определенных в данной статье условий.

В силу пункта 3 статьи 39 ТК ЕАЭС ценой, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары, является общая сумма всех платежей за эти товары, осуществленных или подлежащих осуществлению покупателем непосредственно продавцу или иному лицу в пользу продавца. При этом платежи могут быть осуществлены прямо или косвенно в любой форме, не запрещенной законодательством государств-членов.

Цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за ввозимые товары, относится к товарам, перемещаемым через таможенную границу Союза, в связи с чем согласно пункту 9 статьи 39 ТК ЕАЭС перечисляемые покупателем продавцу дивиденды или иные платежи в случае, если они

не связаны с ввозимыми товарами, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров.

При определении таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ними к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, добавляется часть полученного в результате последующей продажи, распоряжения иным способом или использования ввозимых товаров дохода (выручки), которая прямо или косвенно причитается продавцу (подпункт 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС).

Иные расходы покупателя, не отвечающие требованиям пункта 3 статьи 39 ТК ЕАЭС и не указанные в статье 40 ТК ЕАЭС, в том числе связанные с оплатой отдельных услуг продавца, не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров.

5.3.5. Термин «дивиденды» используется в нормах права Союза только в пункте 9 статьи 39 ТК ЕАЭС в рамках формулировки «не включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров». Иных упоминаний и разъяснений по вопросу необходимости включения дивидендов в таможенную стоимость, условий для их включения и критериев оценки таких условий в нормах таможенного законодательства Союза не содержатся.

Коллегия Суда констатирует, что содержание пункта 9 статьи 39 ТК ЕАЭС инкорпорировано из соответствующих положений пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ.

Иных пояснений или документов по включению дивидендов в таможенную стоимость импортируемых товаров Комитетом по таможенной оценке ВТО и Техническим комитетом по таможенной оценке ВТамО не принималось.

Анализ приведенных положений таможенного законодательства Союза в их нормативном единстве позволяет сделать вывод о том, что методы и условия таможенной оценки ввозимых товаров предназначены для обеспечения правильного таможенного обложения ввозимых товаров исходя из их действительной экономической ценности. В связи с этим стоимость сделки с ввозимыми товарами может быть дополнена иными платежами, которые создают доход продавца с таможенной территории соответствующего государства и, следовательно, считаются формирующими часть цены, используемой для таможенных целей, даже если они не были включены в контрактную цену товаров.

Таким образом, ТК ЕАЭС в данном контексте допускает возможность учета сумм, поименованных в качестве дивидендов и являющихся таковыми лишь по форме, при определении действительной таможенной стоимости товаров.

5.3.6. Пункты 9 и 10 статьи 38 ТК ЕАЭС предусматривают необходимость определения таможенной стоимости товаров и сведений,

относящихся к ее определению, на основе достоверной, количественно определяемой и документально подтвержденной информации, при этом таможенная стоимость товаров не должна основываться на произвольной или фиктивной таможенной стоимости товаров.

Коллегия Суда также отмечает, что при включении дивидендов в качестве дополнительного начисления к таможенной стоимости в случае, если они связаны с ввозимыми товарами, декларантом должны быть представлены доказательства, подтверждающие соответствие стоимости сделки с их действительной стоимостью, в том числе раскрыты документы и сведения о ценообразовании, которые применялись при экспорте товаров (цена определена на рыночных условиях), влияние взаимосвязи между продавцом и покупателем на цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате. При этом способы доказывания отсутствия влияния взаимосвязи контрагентов на стоимость сделки приведены в подпунктах 4–8 статьи 39 ТК ЕАЭС, а также в разделе IV Правил, утвержденных Решением № 283.

Кроме того, Коллегия Суда придерживается правовой позиции Суда о том, что определение конкретной величины таможенной стоимости относится к полномочиям таможенных органов государств – членов Союза, а проверка правильности решений таможенных органов – к компетенции национальных судов (пункт 24 решения Апелляционной палаты Суда от 26 ноября 2024 года по делу С-5/24 ООО «БГ-ТУЛС-МСИ»).

5.4. По доводам истца о неправомерном бездействии Комиссии, выразившемся в предоставлении формального ответа на обращение истца, уклонении от реализации полномочий по мониторингу и контролю применения права Союза, Коллегия Суда отмечает следующее.

5.4.1. На Комиссию возложены функции проведения мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза, решений Комиссии в сферах, регулируемых правом Союза (подпункт 4 пункта 24, подпункт 4 пункта 43, подпункты 2 и 3 пункта 55 Положения о Комиссии).

Коллегия Комиссии осуществляет мониторинг и контроль исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии (подпункт 4 пункта 43 Положения о Комиссии), а Совет Комиссии рассматривает результаты мониторинга и контроля исполнения международных договоров, входящих в право Союза (подпункт 4 пункта 24 Положения о Комиссии).

Суд в своих решениях (решение Коллегии Суда от 11 октября 2018 года по делу С-1/18 ООО «Ойл Марин Групп», решение Коллегии Суда от 26 марта 2020 года по делу С-2/19 АО «Транс Логистик Консалт») неоднократно отмечал, что, исходя из взаимосвязанного

прочтения подпунктов 2, 3, 5 пункта 55 Положения о Комиссии, указанный мониторинг включает:

сбор и обобщение информации о нормативных правовых актах государств-членов в конкретной сфере правового регулирования;

проведение сравнительно-правового анализа, в ходе которого осуществляется оценка соответствия нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов государств-членов положениям соответствующих актов права Союза;

изучение практики применения государствами-членами в лице уполномоченных органов власти соответствующих актов права Союза;

взаимодействие в целях реализации указанных мероприятий с органами государственной власти государств-членов;

документированное закрепление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров по установленной форме;

представление результатов проведенного мониторинга и контроля исполнения международных договоров на рассмотрение членам Коллегии Комиссии и в Совет Комиссии;

уведомление Коллегией Комиссии государств-членов о необходимости исполнения международных договоров, входящих в право Союза, и решений Комиссии.

Итогом проведенного мониторинга является устранение коллизий в актах права Союза, в законодательстве и правоприменительной практике государств-членов.

Изложенное позволяет Коллегии Суда прийти к выводу о том, что мониторинг, осуществляемый Комиссией, фактически представляет собой деятельность уполномоченного органа Союза по сбору, обобщению и оценке информации об исполнении государствами-членами международных договоров, входящих в право Союза, и решений органов Союза для обеспечения единообразного и эффективного правового регулирования в рамках Союза. Основной его целью является оценка исполнения государствами-членами международных договоров и решений органов Союза и подготовка предложений по совершенствованию права Союза.

Процесс мониторинга основывается также на информации, предоставляемой государствами-членами, а его проведение позволяет выявить проблемные вопросы, препятствующие единообразному и эффективному правовому регулированию, вносить предложения по совершенствованию права Союза и гармонизации законодательств его государств-членов.

Подпункт 4 пункта 43 Положения о Комиссии, закрепляющий полномочия Комиссии по осуществлению мониторинга и контроля,

не наделяет хозяйствующих субъектов правом инициирования мониторинга.

Вместе с тем Коллегия Суда отмечает, что направление хозяйствующим субъектом в Комиссию обращения, в том числе с требованием о проведении мониторинга, может быть не только источником информации, но и поводом к проведению мониторинга.

При этом необходимым и обязательным условием для совершения Комиссией юридически значимых действий должны быть достаточные и объективно обоснованные сведения о нарушении прав и законных интересов хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, а также обоснованные доводы, свидетельствующие о том, что в правовой системе государства-члена действуют нормы, не соответствующие международным договорам, входящим в право Союза, и (или) в государствах-членах складывается различная практика применения международных договоров.

В практике Суда также сложился подход, согласно которому проведение Комиссией мониторинга в связи с обращением хозяйствующего субъекта связано с выполнением двух условий:

1) предоставление хозяйствующим субъектом достаточных данных, свидетельствующих о наличии противоречивой практики применения права Союза в государствах-членах или о несоблюдении государством-членом права Союза;

2) норма права Союза о мониторинге, применение которой запрашивается, предоставляет хозяйствующему субъекту определенные права или формирует законные интересы, что соответствует практике Суда (решение Апелляционной палаты Суда от 10 мая 2022 года по делу С-12/21 ООО «Таможенно-Логистический Оператор»).

Отсутствие названных условий, непредставление соответствующих сведений, а равно отсутствие самого нарушения не порождают у Комиссии обязанности осуществить запрашиваемые контроль и мониторинг в соответствии с подпунктом 4 пункта 43 Положения о Комиссии.

5.4.2. По доводу ответчика о том, что требования «осуществить мониторинг и контроль», отличные от ранее рассмотренных Комиссией, могут быть предъявлены в Суд только после соблюдения досудебного порядка урегулирования спора, Коллегия Суда отмечает следующее.

Для принятия актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС, Комиссией в обязательном порядке осуществляется мониторинг и контроль, по результатам которых департаменты Комиссии реализуют свои функции по подготовке для рассмотрения членами Коллегии Комиссии соответствующих предложений

(подпункт 3 пункта 55 Положения о Комиссии). Таким образом, мониторинг и контроль являются средствами обеспечения единообразного применения норм права Союза.

Предметом обращения истца от 29 февраля 2024 года в рамках процедуры досудебного урегулирования спора явилось требование «о бездействии Комиссии, выразившемся в непринятии мер по исполнению пункта 17 статьи 38 ТК ЕАЭС в части необходимости принятия актов, направленных на обеспечение единообразного применения главы 5 ТК ЕАЭС».

При таких условиях довод ответчика о несоблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора в части требования «осуществить мониторинг и контроль» подлежит отклонению как несостоятельный.

5.4.3. В рассматриваемом деле заявление истца было рассмотрено по существу Правовым департаментом Комиссии и письмом от 22 июля 2024 года был предоставлен отрицательный ответ на обращение.

При этом заявителем не были предоставлены Комиссии достаточные и объективно обоснованные данные, свидетельствующие об отсутствии единообразной практики применения права Союза в государствах-членах или о несоблюдении государством-членом права Союза, повлекшем нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных ему Договором и (или) международными договорами в рамках Союза. Также к заявлению истца в Комиссию не были приложены документы или материалы, подтверждающие довод о различной практике применения в государствах – членах Союза норм о невключении дивидендов в таможенную стоимость ввозимых товаров.

Одновременно Коллегия Суда отмечает, что одно лишь несогласие хозяйствующего субъекта с действиями таможенных органов, а также решениями и постановлениями национальных судов не может служить основанием для начала процедуры мониторинга и контроля со стороны Комиссии как органа международной организации. Данные споры подлежат разрешению в порядке, установленном законодательством государства-члена.

Кроме того, в решении от 9 июня 2021 года по делу С-4/21 ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг» Апелляционная палата Суда указала, что наличие законного интереса в осуществлении мониторинга не является тождественным законным ожиданиям в отношении его результатов. По искам о бездействии Комиссии предметом судебной оценки является наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения мониторинга, но не его результаты.

В процессе рассмотрения настоящего дела истцом также не были представлены факты и пояснения, достаточные для подтверждения необходимости инициирования Комиссией в связи с его обращением процедур проведения мониторинга и контроля исполнения права Союза государством – членом Союза, а также конкретная информация, в том числе из открытых источников, о невключении в аналогичных ситуациях дивидендов в таможенную стоимость товаров в иных государствах – членах Союза.

При таких обстоятельствах оспариваемое истцом поведение Комиссии не может быть признано не соответствующим требованиям норм права Союза и нарушающим права и законные интересы, предоставленные хозяйствующему субъекту Договором и международными договорами в рамках Союза.

5.5. Вместе с тем следует отметить, что представленные Комиссией материалы свидетельствуют, что Комиссией подготовлен проект акта о применении подпункта 3 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, связанный с разъяснением Технического комитета по таможенной оценке ВТамО (2.2 Treatment of proceeds under Article 8.1 (d)). В рамках обсуждения данного проекта Комиссией направлены письма в адрес таможенных органов государств – членом Союза от 6 сентября 2024 года № 13-571, проведено совещание по вопросу подготовки акта Комиссии 3 октября 2024 года, в последующем 10 октября 2024 года за № АС-2373/13 направлены письма в адрес правительств государств – членом Союза для рассмотрения и подготовки позиции по данному проекту рекомендации Комиссии.

Кроме того, согласно предоставленной ответчиком Суду информации, в повестку 59-й сессии Технического комитета по таможенной оценке ВТамО включен вопрос о применении пункта 4 Пояснительных примечаний к статье 1 Соглашения ГАТТ, инициированный Восточной Республикой Уругвай.

5.6. Принимая во внимание вышеизложенное, исследовав и оценив все обстоятельства дела, а также представленные сторонами доказательства в их взаимосвязи, и с учетом подлежащих применению норм права Коллегия Суда приходит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения требования истца о признании оспариваемого им бездействия Комиссии не соответствующим Договору и (или) международными договорами в рамках Союза.

В соответствии с положением пункта 64 Статута Суда об условиях возврата пошлины, уплаченной при обращении в Суд, в случае отказа в удовлетворении требований истца пошлина не возвращается.

Руководствуясь пунктами 64, 109 Статута Суда, статьями 78, 80 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении требования общества с ограниченной ответственностью «ПОРШЕ РУССЛАНД».

Признать оспариваемое бездействие Евразийской экономической комиссии соответствующим Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года и (или) международным договорам в рамках Союза и не нарушающим права и законные интересы истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «ПОРШЕ РУССЛАНД» пошлина возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Копию настоящего решения направить сторонам.

Председательствующий

А.Г. Тунян

Судьи

А.А. Забара

М.Т. Кайыпов

А.Б. Кишкембаев

Н.В. Павлова